
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЦЕННОСТНО-РАЦИОНАЛЬНЫХ МЕГАТРЕНДОВ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА

АРТЁМЕНКО Анна Викторовна, аспирант кафедры международной экономики, ВУЗ Укоопсоюза «Полтавский университет экономики и торговли», г. Полтава

Научное познание содержания и перспектив развития постсоциалистического хозяйства возможно только в контексте исследования общих закономерностей мировой экономической системы, частью которой оно являлось как в условиях планового развития, так и при переходе к рынку. Такая зависимость объясняется тем, что, несмотря на идеологические и организационно-правовые особенности планово-централизованного хозяйства, его развитие определялось не только внутренними процессами, но и воздействием глобальных экономических закономерностей. Именно поэтому, прошлые и современные попытки ограничить это развитие идеологическими и географическими границами, как и выводы о его особом характере, следует скорректировать и признать, что хозяйство постсоциалистических стран всегда развивалось в контексте мировых экономических процессов, и все «циклы», «короткие и длинные волны» глобальной экономики, оказывали на него непосредственное влияние. Нужно признать научную ценность выводов И. Валлерстайна, что «в течение девятнадцатого и двадцатого веков существовала только одна мировая система, капиталистическая мировая экономика», которая включала в себя мини-системы [1], в том числе, экономические системы социалистических стран. Поэтому, считает этот ученый, «напрасно анализировать процессы общественного развития наших многогранных национальных обществ, так, как если бы они были автономными структурами развивающихся внутренне, в то время как они есть и всегда были в первую очередь структурами, созданными мировыми процессами и приобретают свою форму в качестве реакции на эти процессы» [2, с. 86]. Такое же мнение высказывает и известный украинский экономист А. И. Пасхавер. Оценивая реформы 1990-х как радикальные изменения, он утверждает, что они были «направлены определенными внешними силами, не поддающимися контролю со стороны правительства, а также были вызваны внешним вызовом модернизации, с которым пришлось столкнуться Украине» [3].

Использование выше изложенного подхода к анализу ценностно-рациональных мегатрендов постсоциалистического хозяйства, позволяет исследователям, во-первых, отойти от поисков только внутренних причин и признать важное, а, возможно, и определяющее влияние на их развитие современной «мир-экономики», а также обобщать их содержание и перспективу в контексте глобализационных экономических процессов. Во-вторых, становится возможным поиск новой методологии, которая бы позволила обосновать теоретическое предсказание главных мегатрендов будущей модели глобального хозяйства, ценностно-рациональные характеристики которого определяются современными капиталистическими и постсоциалистическими трансформациями.

В силу названных и других причин, о которых речь пойдет ниже, выводы о ценностных характеристиках постсоциалистического хозяйства не могут основываться на научных обобщениях трансформационного развития только ученых этих стран. Оно также требует привлечения результатов исследований ученых западных стран, обобщающих характери-

ки трансформационного развития современной «мир-экономики» в целом, в которых становление постиндустриальной стадии «умирающего» капитализма и трансформации постсоциалистического хозяйства рассматриваются в глобализационном и интеграционном контексте. Поставив такую задачу, мы столкнулись с трудностями в выборе метода анализа и обобщений результатов научных исследований зарубежных и отечественных ученых. Избрав проблемный метод, при котором их анализ сосредотачивался бы вокруг научных проблем постсоциалистического развития, мы многократно возвращались бы к одним и тем же авторам и превратили бы это исследование в пеструю мозаику, состоящую из различных комбинаций одноцветных пазлов из их имен. Избрав же авторский метод, то есть комплексное исследование научного вклада отдельных ученых, мы столкнемся с тем, что снова создаем мозаику, пазлами которой станут уже не имена ученых, а неоднократно повторяемые проблемы нашего исследования. В связи с этим, мы выбрали путь, пролегающий между этими двумя методами, состоящий в оценке лишь тех частей научных теорий и выводов наиболее известных ученых, которые имеют непосредственное отношение к методологии и практике исследований ценностно-рациональных мегатрендов постсоциалистического хозяйства.

Изучение работ, посвященных анализу трансформационных проблем глобального хозяйства, а также особенностей его постсоциалистического сегмента, свидетельствует, что их, в значительной мере условно, можно разделить на четыре группы. К первой из них следует отнести труды, посвященные анализу современных трансформаций капиталистической «мир-экономики», происходящих вследствие перехода к постиндустриальной (информационной) стадии хозяйства и глобализации экономических процессов. Их значение для научного анализа переходных экономик постсоциалистических стран обусловлено тем, что развитие большинства из них, как и стран с развитыми экономиками, осуществляется на основе либеральных ценностей хозяйствования и преследует цель включения в глобализационные хозяйственные процессы, базирующиеся на научно-технологических достижениях постиндустриального общества. Ко второй группе нами отнесены труды зарубежных ученых, посвященные исследованию общих закономерностей и национальных особенностей экономических трансформаций в постсоциалистических странах. К третьей – труды ученых постсоветских стран, выводы которых в наибольшей степени позволяют сравнить содержание экономических реформ, их общие черты и особенности в разных странах. Четвертую группу составляют труды отечественных экономистов, анализирующих трансформационные реформы в Украине и обобщающих закономерности переходного периода с учетом отечественных особенностей.

Отнесенные к первой группе труды известных ученых второй половины прошлого и начала нового века, положили начало обоснованию целого ряда положений постнеклассической экономической теории. Они принадлежат всемирно известным ученым в области экономики, философии, социологии, истории и футурологии, междисциплинарная совокупность которых позволяет создать на базе науки об экономике, современную философию хозяйства, являющуюся важнейшей составляющей нового мировоззрения, объединяющего все составляющие обществензнания – от антропологии к учению о цивилизации. Речь идет о научных исследованиях Л. Мизеса [4], Дж. Нейсбита [5], П. Ебурдин [6], Ф. Фукуямы [7], И. Валлерстайна [1, 8], Э. Остром [9], З. Баумана [10], Ж. Бодрийера [11, 12], Д. Норга [13], А. Ослунда [14] и других ученых, выводы которых стали важными звеньями постнеклассического исследования экономических процессов не только в рамках признания их рациональности, но и рассмотрения их как иррациональных процессов, которым свойственно важное или, даже, определяющее вмешательство духовно-творческого начала. Включение в этот список теоретических исследований западных ученых 50-70-х годов нами сделано осознанно, так как постсоциалистические экономические трансформации в основном осуществляются согласно либеральным и неолиберальным сценариям и экономисты, а также политические элиты стран, где они происходят, вынуждены обращаться к обобщенному в них опыту перехода к постиндустриальному

обществу. Критическое использование этих концепций является продуктивным как ввиду того, что в современных постсоциалистических экономиках происходят процессы, имеющие место в развитых странах на завершающем этапе индустриального развития, так и потому, что «фундаментальные методологические принципы могут быть легко усвоенными и, усвоив их, – отмечал М. Блауг, – мы неизбежно повышаем нашу способность оценивать и сравнивать конкурирующие экономические теории» [15, с. 54]. Убедительные свидетельства этого мы находим в научном наследии Л. Мизеса, обосновавшего, что «общество – результат сознательного и целенаправленного поведения», что оно «является ничем иным как объединением индивидов для совместных действий», а «отличием человеческого общества является целенаправленное сотрудничество» [4, с. 133, 135]. Методологический характер имеют выводы Л. Мизеса об уникальности человека, заключающейся в том, что его деятельность определяется не причинами, а целями, что стремление к ним побуждает человека активно воздействовать на окружающую среду и изменяет ее, что в природе человеческой деятельности заложена необходимость выбора – действуя, человек в каждый момент выбирает, к какой цели ему стремиться, какую потребность удовлетворять в первую очередь. Совокупность выводов Л. Мизеса, вместе с его трактовкой «каталектики» Аристотеля, согласно которой рыночное хозяйство должно стать ареной для «преобразования врагов в друзей..., чужого – в члена общины» [16], позволяет обосновывать один из важнейших мегатрендов постсоциалистического хозяйствования, содержание которого возможно определить термином **«Духовно-творческая деятельность»**.

Важный вклад в формирование методологических основ постнеклассической экономической науки внесла Э. Остром. Вопреки выводам Аристотеля, что «каждый заботится главным образом о собственном, и только в последнюю очередь – об общих интересах» [17, с. 406], она обосновала возможность эффективного владения и управления ресурсами, находящимися в совместном пользовании человеческих сообществ. Представляются ценными ее замечания, что в инструментарии современного ученого и во множестве хорошо развитых теорий человеческого общества не хватает «адекватно сконструированной теории коллективных действий, в рамках которой группа принципалов может собственными усилиями добровольно организовать». Таким же важными для анализа постсоциалистических экономических процессов является ее вывод, что «ни государство, ни рынок не способны, в долгосрочной перспективе, обеспечить продуктивное использование систем природных ресурсов. Поэтому общины полагаются на институты, не похожие ни на государство, ни на рынок и управляют некоторыми системами природных ресурсов достаточно успешно на протяжении длительных периодов времени» [9]. То, что за работу «Управление общим» Э. Остром была удостоена Нобелевской премии, свидетельствует о мировом признании её методологических выводов по вопросам коллективной самоорганизации и участия человека в хозяйственной деятельности. Вместе с тем, достаточно даже поверхностного взгляда чтобы увидеть значительные расхождения между научными выводами Э. Остром и политическим курсом постсоциалистических трансформаций и отметить их повсеместное игнорирование, что, на наш взгляд, и является важнейшей причиной их низкой эффективности. В заключении отметим, что методологические положения Э. Остром позволяет обосновать следующий мегатренд постсоциалистического хозяйствования, который может быть определен термином **«Социализация экономических отношений»**.

Заметное место среди новых мировоззренческих концепций анализа глобальных экономических процессов, методологические принципы которых также могут быть использованы и при исследовании формирования ценностных характеристик постсоциалистического хозяйствования, занимает теория мир-системного анализа (МСА) И. Валлерстайна, обоснованная им в ряде статей и монографий [1, 2, 18]. Первый вывод, вытекающий из теории МСА, состоит в отрицании разделения социальной реальности на политическую, экономическую и социокультурную сферы. Как отмечает И. Валлерстайн в книге «Бездумная социология. В рамках парадигм девятнадцатого века», «святая троица

политики, экономики и культуры сегодня не имеет никакой интеллектуальной ценности и возможно никогда не имела» [18, с. 1, 265]. На наш взгляд, следует согласиться с И. Валлерстайном, что на смену монодисциплинарным научным поискам, должна прийти целостная междисциплинарная теория социального развития, что все общественные науки являются общей наукой об обществе. Отсюда следует, что экономические исследования, а среди них и трансформаций постсоциалистического хозяйствования, должны осуществляться без искусственного выделения в них политики, экономики и культуры, а охватывать проявление всей их совокупности. Также следует принять во внимание, что для современного общественного развития, в том числе – постсоциалистического, характерно усиление интеграции экономики, политики и социальных процессов.

Второй вывод из теории МСА, использование которого продуктивно и при анализе постсоциалистического хозяйствования, состоит в отказе от линейного времени и его рассмотрении во множестве различных видов времени и пространства. Согласно И. Валлерстайну, переходное состояние-развитие трансформационного хозяйства следует рассматривать с точки зрения медленно изменяющихся долговременных закономерностей «большой длительности» и более быстрых конъюнктурных ритмов в их среде. При этом, осуществление общественных процессов, в том числе и трансформационных, осуществляется во времени и пространстве, которые являются не отдельными категориями, а одной, которую он называет «временем-и-пространством» [18, с. 139].

Весьма продуктивным для исследования постсоциалистического развития и формирующихся в нем новых, соответствующих «времени-и-пространству» мегатрендов развития, также является использование вывода теории МСА об отказе от понятия линейной эволюции и идеи неотвратимости прогресса. Как отмечает отечественный исследователь теории МСА А. А. Фисун, И. Валлерстайн обосновывает вывод, что в исторической эволюции время от времени наблюдаются процессы, когда она исчерпывает себя и открывает путь для разворота в любом направлении, в том числе, разрушения и перехода к развитию на базе новых трендов. Когда историческая система вступает во временную полосу спада, или разрыва (которые, по определению, случаются только один раз, и только в ее конце), все, или почти все, становится возможным и осуществимым, а минимальные человеческие усилия способны породить широкий спектр альтернатив» [19]. Эти выводы позволяют нам рассматривать постсоциалистические трансформации не только в плане выявления общих закономерностей, но и их особенностей, определяемых историческим контекстом «времени-и-пространства» развития конкретной постсоциалистической страны. Они также подводят к выводу, что «положительная эволюция» экономических трансформаций различных стран определяется не неотвратимостью прогресса, а зависит от содержания их развития, которое в значительной мере определяется политической волей и другими субъективными факторами.

Важное место в теории МСА занимает принципиально новый подход к анализу мирового хозяйства. Он заключается в выделении категории «мир-экономики», означающую согласно И. Валлерстайну, объединение мира цепями производств и обмена, игнорирующих политические и идеологические границы. Главная логика теории «мир-экономики» И. Валлерстайна, отмечает А. А. Фисун, заключается в том, что «аккумулированная прибыль распределяется неравным образом в пользу центра, а не периферии системы, то есть тех, кто способен достичь разного рода временных монополий в рыночных сетях» [19]. Очевидно, что эти положения МСА, отражающие суть современной капиталистической «мир-экономики», могут и должны быть использованы исследователями как при изучении последствий интеграции в нее постсоциалистических стран, так и при обосновании мегатренда развития их хозяйства – **«Трансформационное развитие – путь в глобальную «мир-экономику»**, как программы внешнеэкономических стратегий постсоциалистических обществ.

Заметное влияние на развитие постнеклассической методологии экономической науки оказывают футуролого-экономические исследования Дж. Нейсбита и П. Ебурдин [5, 6], посвященные обоснованию мегатрендов экономического развития США в 90-е годы

прошлого и в начале XXI века. В частности, введенное Дж. Нейсбитом в научный оборот понятие «мегатренд» позволяет комплексно исследовать экономические трансформации как интегрированную совокупность экономических, социальных, политических и духовных общественных ценностей, находящихся в постоянном движении [5, с. 9]. Ценность выводов Дж. Нейсбита определяется не только их новизной, что, конечно, важно, а тем, что сформулированные в начале 80-х годов прошлого века Дж. Нейсбитом 10 мегатрендов постиндустриального экономического и социокультурного развития, нашли практическое воплощение в США и других передовых странах мира. Согласно его мнению, наиболее надежным способом предсказать будущее является познание действительного, а главным в утверждении будущего экономического превосходства – есть инновационное развитие [5, с. 10]. Из этого следует, что обоснование мегатрендов постсоциалистического хозяйства должно учитывать как всю совокупность хозяйственных трансформаций, так и, особенно, их инновационную направленность и использование духовно-творческого потенциала человека-работника. Речь идет о познании влияния научно-технологических достижений на: повышение эффективности включения творческого потенциала работников в хозяйственную деятельность; развитие экономической демократии и этики; взаимозависимость духовности человека и технического прогресса; формирование отказа от патернализма и стремления к близкой выгоде и предоставление приоритета долгосрочной перспективе [5, с. 4-5; 6, с. 6-7]. В целом же, выводы названных исследований могут послужить обоснованию мегатренда постсоциалистического хозяйства – **«Инновационно-информационное развитие»**.

Среди теоретических исследований отечественных и зарубежных ученых, совокупность которых постепенно формирует современное содержание экономической теории, заметное место занимают выводы и положения, сформулированные в рамках неинституциональной теории Р. Коузом [20], Д. Нортон [13] и другими исследователями. Обращение к этой теории обусловлено тем, отмечает А. А. Гриценко, что решающее значение для дальнейшей рыночной трансформации постсоциалистических стран приобретает внедрение базовых институтов институциональной динамики, то есть формирование правил, норм, процедур институциональных изменений и готовности к ним субъектов экономической деятельности [21, с. 58]. Именно с учетом становления и функционирования «базовых институтов институциональной динамики» шведский экономист А. Ослунд выделил в постсоциалистическом развитии демократический, деспотический и рентный путь институциональных реформ [14, с. 23] и классифицировал страны, которые их избрали. Утверждение институциональной теории в отечественной экономической науке, отмечает А. А. Гриценко, было «буквально выстрадано Украиной» как средство, позволяющее преодолеть длительный трансформационный кризис и экономический спад, порожденные неоклассическими научными подходами к современным экономическим трансформациям [22]. Правда, если судить о том, как это «средство» помогло выйти из усугубляющегося экономического кризиса, то следует признать, что оно, либо не эффективно, или же им не пользовалась политическая элита. Как отмечают Г. В. Задорожный и А. В. Грималюк, отдавая должное технике неинституционального анализа, следует заметить, что полученные с его помощью конечные выводы и практические рекомендации для постсоветской экономики нельзя признать удовлетворительными [23, с. 6; 24, с. 3]. На наш взгляд, исследование мегатрендов постсоциалистического развития невозможно без анализа деятельности общественных, в том числе хозяйственных институтов, избегая при этом «заинституционализирования», от которого предостерегает Г. В. Задорожный в названной статье.

Кроме названных научных подходов западных ученых к познанию закономерностей и особенностей постсоциалистического хозяйственного развития следует назвать также Ф. Хайека, выдвинувшего положение о различии понятий «рыночная экономика» и «хозяйство», состоящее в том, что первая «не подчиняется любой иерархии целей», тогда как второе – имеет ценностно-рациональную направленность [25, с. 192-193, 248].

Научные труды названных зарубежных ученых способствуют обоснованию

мегатрендов современной «мир-экономики», а также актуализируют поиск оптимистических концепций развития цивилизации в третьем тысячелетии. Изданные в большинстве стран мира, они не только усиливают растущую критику либерализма, но и стали составной частью новых теорий общественной, прежде всего, хозяйственной организации, в которых капитализм рассматривается «как полезный инструмент для достижения экономических целей», а будущее - как результат удаления экономической эволюции и от капитализма и от коммунизма [26, с. 50-51]. Следует отметить, что современное состояние методологической неопределенности значительной части экономических исследований зарубежных ученых обусловлено системным кризисом буржуазного способа производства, а также социокультурных и политических ценностей, которые им порождаются. Этот кризис является следствием перехода к информационному обществу, приведшему к радикальным структурным изменениям в экономике и «неожиданному открытию», что общепринятая система взглядов, строящаяся на признании первичности экономического базиса и вторичности надстройки, приоритета классового и национального над общественным и глобальным, если не перестала соответствовать реальной действительности, в которой интеллект, культура и творческая деятельность человека стали главными движущими силами хозяйствования, а классовые и национальные интересы – подчинились общественным и глобальным, то была поставлена под сомнение. Вследствие этого, в последней четверти XX и, особенно, в начале нового века, выводы о кризисе буржуазного способа производства и либеральных идейных ценностей, на которых основывается мир капитализма, стали научным фактом, признание которого уже почти никем не оспаривается. Как отмечает И. Валлерстайн, «современная система «мир-экономики» (капитализм) переживает завершающийся кризис, который должен материализоваться в ближайшее десятилетие» [1, с. 11]. Вместе со скептическими взглядами на будущее капитализма отдельными учеными обосновываются выводы о перспективности общественной модели, которая может образоваться вследствие постсоциалистических трансформаций. В частности, Дж. и Д. Нейсбит утверждают, что в отличие от США, создавших 200 лет назад общественную систему, отвечающую либеральным ценностям, современный Китай строит принципиально новую социально-экономическую и политическую модель, которая вполне может стать еще одним этапом исторического развития после пришествия «конца истории» либерально-демократического общества, предсказанного Ф. Фукуямой [26, с. 24].

Методологическая неопределенность в обосновании мегатрендов новой модели «мир-экономики», трансформирующейся из отмирающего капиталистического и руин социалистического хозяйства, порождает ряд вопросов, на которые нет однозначных ответов. В контексте нашего исследования, главным из них есть вопрос о соотношении рациональных и ценностных мегатрендов постсоциалистического хозяйствования. Исходя из выше названных методологических подходов к оценке глобальных тенденций развития, мы должны признать, что в современном глобальном хозяйстве наметилась усиливающаяся тенденция подчинения рациональных действий и целей ценностному содержанию и последствий хозяйствования, для которого свойственна, писал М. Вебер, деятельность, учитывающая возможные последствия и осуществляемая согласно убеждений, достоинства, понимания красоты и духовности человека. Очевидно, что эти изменения базируются не на уничтожении частной собственности, а на ее социализации, то есть коллективном и общественном регулировании, не на либеральном рынке, а на его модели, имплементирующей экономическую демократию и этику. При этом следует учитывать, что использование выводов, являющихся продуктивными для постиндустриального развития передовых стран, малопригодно для постсоциалистических, особенно если учесть разрушительные процессы, происходящие в их производственной и социальной сфере в последнее двадцатилетие. Так, вывод французского социолога Ж. Бодрийяра о «конце социального» – что социальное (класс, социальная группа, этнос), наличествующие в индустриальном обществе, в информационном – теряет реальный смысл и уже в

значительной мере растворено и продолжает растворяться в огромной недифференцированной массе людей, трансформирующейся из социальной общности в статистическую категорию, не может быть применен к исследованию общества, в котором происходит динамический процесс социальной дифференциации. В силу этих же причин, мы также не можем согласиться с его заключением, что «социальным наукам» нужно освободиться от осознания, что «социальное вечно» [11, с. 75, 95]. Такими же неприемлемыми есть и выводы английского социолога З. Баумана, утверждающего, что вследствие индивидуализации общества исчезают ранее установленные социальные границы и происходит глубокая эрозия системы институтов, связанных с коллективным социальным и политическим действием. Вместо того чтобы принять участие в коллективном решении социальных проблем, отмечает этот ученый, «сегодня одинокие граждане приходят на агога только для того, чтобы побыть в компании таких же одиночек, как и они сами, и возвращаются домой, еще более утвердившись в своем одиночестве» [10, с. 137, 257-258].

Принимая во внимания, что эти выводы отражают реальные тенденции социального развития при переходе к постиндустриальному обществу, мы считаем, что в постсоциалистических странах, особенно, в связи с их развитием на основе либеральных ценностей, в результате трансформации социальной структуры социалистического общества возникают новые социальные образования, консолидирующих «элиты» и «работников», каждое из которых содержит в себе социальные страты, подчиняющиеся главным групповым признакам. В рамках либерального сценария трансформаций, будущее развитие социальной структуры постсоциалистических обществ будет наследовать социальную структуру постиндустриального общества. К примеру, согласно результатам «Большого Британского классового исследования» (2013 г.) в социальной структуре общества этой страны выделены «элита», составляющая 6 % населения, и социальные страты: «определенный средний класс», «технический средний класс», «новые богатые работники», «традиционный рабочий класс», «работники сектора обслуживания» и «прекариат» (наиболее обездоленная часть населения). Составляя 94 % британского общества, эти страты соответствуют главному, объединяющему их в одну группу социальному критерию – работа по найму.

Как видим, выводы об отмирании «организованного социального» обуславливают необходимость отказа, как от классической, так и неклассической методологии не только в социологии, но и в политической экономии и других разделах науки, в которых ранее изучались составляющие социально дифференцированного общества. Но, при этом возникают вопросы о наличии и глубине отмирания социального, особенно в постсоциалистических обществах, в большинстве из которых, отмечал И. Лукинов, состоялись экономические трансформации, соответствующие взглядам и интересам «сторонников капитализма прошлого века» [27, с. 111], когда социальные противоречия были важнейшим двигателем общественного развития. Возникает мысль, и анализ экономических и социальных отношений подтверждает ее, что переход к либеральной модели трансформационного развития имеет следствием ускоренную социальную дифференциацию постсоциалистических обществ, как это было в период становление индустриального общества. Правда, если раньше к «пролетариям» преимущественно относились работники производственной сферы, то в постсоциалистических обществах в их число попали почти все граждане, получающие заработную плату от работодателей. Ничем особенным от традиционной крупной и мелкой буржуазии не отличаются и современные крупные и мелкие предприниматели, осуществляющие бизнес с большим или меньшим масштабом эксплуатации рабочей силы наемных работников и получающих от этого прибыль. Поэтому для ученых, исследующих постсоциалистическое хозяйство, очень актуальными есть вопрос – следует ли отбросить классические и неклассические теории познания, в том числе – марксизм, или их необходимо пересмотреть и считать составляющей методологии современных научных поисков?

Ответы на эти вопросы будут даны ниже. Здесь же мы завершим изложение главных выводов работ западноевропейских и американских ученых, в полной или в значительной

мере посвященных анализу постсоциалистического хозяйства и обоснованию мегатрендов его развития, отнесенных ко второй группе. Речь идет о работах Дж. Сакса [28], Дж. Стиглица [29], А. Ослунда [14], Дж. и Д. Нейсбит [26], хотя их список можно было бы продолжить. Предварительно отметим, что в научных исследованиях, отнесенных к этой группе, преобладает политико-правовой анализ содержания экономических трансформаций и их социальных последствий, тогда как формирование ценностно-рациональных трендов хозяйствования и их социокультурная обусловленность находятся вне поля зрения их авторов. Как правило, ими игнорируется вопрос возможности эффективного реформирования отношений собственности и создание таких экономических отношений, которые бы учитывали не только ментальные предпочтения граждан постсоциалистических обществ, но и задачи достижения более высоких результатов хозяйственной деятельности и внедрения современных норм экономической этики. Примером такого исследования может быть книга Дж. Сакса «Рыночная экономика и Россия», предметом анализа которой стали правовые проблемы собственности в целом, и ее составляющих – коммерческого права и права собственности финансовых посредников [28, с. 151-168]. Вопросы же правового регулирования экономической этики, конкуренции, социальной справедливости, экономических свобод и прав граждан, являющихся весьма актуальными для трансформационных обществ, в книге не анализируются.

Заслуживает внимания исследование постсоциалистических экономических трансформаций в отдельных странах, предпринятое Дж. Стиглицем. В монографии «Глобализация и ее бремя» он не только критически оценивает опыт трансформационных реформ 90-х годов в России, Польше, Чехии, Украине и других странах, но и первым среди зарубежных ученых поднял вопрос плюрализма транзитивного развития и выбора наиболее эффективного его варианта. В частности, он подверг критике теорию «шоковой терапии» и пришел к выводу, что переход к рыночной экономике лучше осуществлять с умеренной скоростью и надлежащей последовательностью. «Программа стабилизации / либерализации / приватизации, обычно не была программой экономического роста, - пишет Дж. Стиглиц. - Предполагалось, что она создаст предпосылки для роста. Вместо этого она создала предпосылки для упадка» [29, с. 141, 144]. Среди альтернативных и эффективных путей развития Дж. Стиглиц называет сочетание «шоковой терапии» на финансовом и потребительском рынках с развитием инфраструктуры рыночной экономики и социальной защиты населения, что было характерным для Польши. Положительную оценку этого ученого также заслужила постепенная приватизация и такой же постепенный отказ от планово-централизованной системы хозяйства, осуществляемые в Китае [29, с. 175-176]. Как отмечает Дж. Сорос в рецензии на эту монографию, весьма важным для понимания последствий включения постсоциалистических экономик в глобализационные процессы, «есть подробное описание Дж. Стиглицем примеров и причин того, как ведущие учреждения, которые осуществляют глобализацию, не справились с помощью тем странам, которым они должны были ее оказать». В частности, он подвергает критике деятельность МВФ и содержание так называемого «Вашингтонского консенсуса», которые «абсолютно не соответствуют потребностям экономики развивающихся стран» [29, с. 254].

Среди исследований этой группы особый интерес вызывает монография Дж. и Д. Нейсбитов «Китайские мегатренды: восемь столбов нового общества» [26]. В связи с тем, что критический обзор этого исследования американских ученых автором уже изложен на страницах уважаемого журнала [30, с. 82-103], ограничимся лишь перечнем названий наиболее важных мегатрендов, в которых и содержится квинтэссенция их выводов. Это «Освобождение разума», «Баланс векторов: сверху вниз и снизу вверх», «Высадка деревьев: пусть растут леса», «Вброд через реку, нащупывая камни», «Художественная и интеллектуальная поддержка», «Присоединение к миру», «Свобода и справедливость» и «От олимпийского золота к нобелевским премиям». Следует отметить, что во многих постсоциалистических странах, в силу того, что большинство из них, имея лучшие, чем в Китае 70-х годов, предпосылки перехода к новой общественной модели, оказались

неспособными разработать и внедрить собственные модели динамического развития и находятся в кризисном или стагнационном состоянии, существует особый интерес к научной интерпретации современного «китайского чуда». Особенно актуальны эти выводы для Украины, экономическое и социальное развитие которой характеризуется одними из наихудших показателей среди стран, осуществляющих постсоциалистические трансформации. По нашему мнению, использование выводов Дж. и Д. Нейсбитов более чем актуально как для осмысления «украинских мегатрендов», так их практического внедрения в хозяйственном развитии.

Завершая анализ научных трудов ученых западноевропейских стран и США, отмечая их методологическое значение для исследования ценностно-рациональных мегатрендов постсоциалистического хозяйства, заметим, что проблема методологического осмысления трансформационных реформ (democratic transition) возникла еще до начала постсоциалистических трансформаций. Как отмечает Н. И. Гражевская, она была вызвана в связи с анализом трансформационных процессов конца 70-х годов в странах Латинской Америки, которые осуществляли переход к рыночной экономике реформируя традиционную в них систему хозяйства на основе либеральных ценностей [31]. В связи с этим, к осмыслению трансформационных преобразований постсоциалистического хозяйства, кроме выше названных методологических подходов ученых европейских и североамериканских стран, могут привлекаться работы, посвященные анализу латиноамериканского опыта переходных экономических трансформаций. В частности, следует не только согласиться, но и использовать в исследованиях вывод аргентинского ученого Р. Перебиша, что географически и по уровню развития страны Латинской Америки [как и постсоциалистические – А. А.] относятся к зоне «периферийного капитализма» и к ним не может быть применена в полной мере **доминирующая в западном мире постнеклассическая** экономическая теория. «Ни теория циклов в промышленно развитых странах, ни меры, осуществляемые для сглаживания колебаний и смягчения последствий циклов, ничего не дают периферии, которая экспортирует сырье и отстала в промышленном отношении», пишет этот ученый в работе «Периферийный капитал: есть ли ему альтернатива?» [32, с. 36]. О значительном сходстве проблем развития «третьего мира» и постсоциалистических стран свидетельствует наличие у них одинаковых стартовых показателей трансформационного развития: постоянная нехватка капитала; низкий уровень доходов большинства населения; значительная доля избыточной рабочей силы и безработицы; отсутствие конкуренции; получение сверхприбылей «привилегированными предпринимателями». Как при исследовании экономик латиноамериканских стран «периферийного капитализма», так и постсоциалистических, в равной степени также могут быть применены выводы перуанского экономиста Эрнандо де Сото, что в период рыночных реформ страны «третьего мира» неотвратимо проходят стадию меркантилизма, господствовавшей в Европе в XV-XIX вв. [33, с. 248]. Как свидетельствует анализ постсоциалистического развития, для него, как и в странах «третьего мира», характерны все составляющие этой стадии: перманентное перераспределение посредством механизмов государственной власти монопольных прав и привилегий в пользу отдельных социальных групп общества; неконкурентные и неинновационные рынки; низкая склонность к накоплению и высокая к потреблению и применению предпринимателями малоэффективных производственных технологий. По нашему мнению, выше названные положения теоретических работ латиноамериканских экономистов могут быть востребованы при выработке методологических подходов к пониманию сущности постсоциалистического хозяйствования, либеральное направление развития которого, требует применения классических и неклассических теорий, объясняющих зарождение и развитие капитализма в XV – первой половине XX веков. То есть, в части научного анализа вопросов первоначального накопления капиталов, легитимной и нелегитимной приватизации собственности, налаживания системы постсоциалистической эксплуатации, становления государственного меркантилизма и других ценностей западного капитализма, до начала его упадка со второй половины XX века,

возможно и следует применять названные экономические теории.

К третьей группе научных работ, на страницах которых анализируются закономерности и особенности развития постсоциалистических экономик, нами отнесены исследования ученых постсоциалистических стран. При этом заметим, что в распоряжении отечественных исследователей этой проблемы, за исключением работ российских ученых, ограничен перечень работ методологического характера ученых стран Восточной Европы, Балтии и постсоветской Азии, так как они почти отсутствуют на отечественном книжном рынке и в сети Интернет. Это обстоятельство сужает, но не исключает решение поставленной нами задачи, так как, во-первых, мы не ставим задачу исследовать теоретические труды этой группы в отношении всех постсоциалистических экономик, а, во-вторых, происходящие в них трансформации, во многом схожи. Наибольший интерес вызывают работы ученых РФ, что обусловлено мощностью российских научных школ и исторически сложившимся их влиянием на развитие исследований ученых постсоветских стран. Прежде чем перейти к их анализу, отметим, что уже в 1991 году Российской Академией Наук (РАН) был образован Институт проблем рынка (ИПР), который, по сути, является официальной научной школой в области постсоциалистических экономических трансформаций в РФ и странах СНГ. По нашим подсчетам, согласно программам этого учреждения в 1991-2012 гг. было исследовано 372 научные темы. По материалам большинства поданных отчетов о выполнении этих тем написано множество научных статей и монографий, отражающих различные аспекты экономических трансформаций. Эти работы являются достаточно важным источником познания «русского пути» постсоциалистического хозяйствования, а учитывая вклад этой страны в становление и крах социализма в XX веке – составляет большой интерес для исследователей других стран. Отдельные из них имеют методологическую ценность для исследования проблемы этой статьи. В частности, это касается некоторых выводов монографии «Модернизация России: социально-гуманитарные измерения», на страницах которой анализируются этические и социокультурные проблемы постсоциалистических экономических трансформаций: ответственности элиты за совершаемые реформы и их последствия; влияние на хозяйственное развитие человеческого капитала, общественной культуры и нравственности; формирование новой экономической этики [34, с. 47-50, 52-59, 70-79, 119-123]. Одновременно с исследованиями ученых официальной школы трансформационной экономики в 90-е годы прошлого и в начале нового века вышли в свет научные труды русских ученых, которые способствовали развитию постнеклассической методологии анализа и развития постсоциалистического хозяйства. Это работы А. В. Бузгалина, А. И. Колганова, Ю. М. Осипова, А. С. Панарина, Ю. В. Яковца, А. И. Субетто и других авторов, в которых обоснован ряд теоретических характеристик современной философии хозяйства. Учитывая, что сценарии развития переходных экономик РФ и других постсоветских стран, в том числе и Украины, достаточно схожи, использование методологических выводов из этих работ полезно и для анализа их опыта. В частности, следует согласиться с выводами известных российских экономистов А. В. Бузгалина и А. И. Колганова, что «поздний капитализм», на фоне которого осуществляются постсоциалистические трансформации, только кажется либеральным и демократическим, а, по сути, является системой тотальной власти и подавления, основанного на капитале. Таким же важным представляется их вывод, что современная эпоха является не только периодом конца «позднего капитализма», но и завершения «царства необходимости» и всей эпохи отчуждения, а также сделанное ими предостережение относительно непродуктивности трансформации экономических отношений переходных экономик в «старые отношения», описанные еще в «Капитале» К. Маркса.

Следует также согласиться с мнением названных ученых о методологической несостоятельности распространенного вывода о вытеснении материального производства «искаженной формой развития сферы услуг». На этапе позднего капитализма и исчерпания невозобновляемых ресурсов, утверждают эти ученые, важнейшим «ресурсом» производства становятся не машины, техника, а человек с его творческими способностями. А потому,

считают ученые, важнейшей сферой деятельности должно стать производство этого ресурса – формирование творческой личности [35, с. 6, 7], а не услуг. Актуальность такой постановки вопроса предопределяется развитием постсоциалистических трансформаций на фоне глобального обострения ресурсно-экологических проблем и возможностью их решения на постиндустриальной стадии «мир-экономики». Совершенно очевидно, что при выборе целей развития хозяйства, следует учитывать как вышеназванные обстоятельства, так и то, что постсоциалистические его модели должны создавать условия не только для «приумножения власти современного корпоративного капитала» и «интеллекта творцов», но и для творческого развития человека [35, с. 21]. Следует также согласиться с выводом этих ученых о необходимости изменения понимания связи материального производства и культуры, которая, по их мнению, поставлено в современной философии с ног на голову и состоит в утверждении, что «материальное производство – это не более чем предпосылка создания вещественного, предметного мира для собственно человеческой жизни, которое протекает именно в сфере культуры...». В действительности же, творческая деятельность человека, последствия которой определяются его культурой, то есть, социокультурное влияние на развитие хозяйства, является «важнейшим ресурсом и источником «новой экономики» и «развитие именно в этом направлении остается единственной надеждой наших стран ...» [36, с. 31], пишут эти авторы в работе о социокультурных слагаемых перехода к новому качеству хозяйства.

Подтверждением продуктивности междисциплинарной интеграции научных знаний о хозяйстве являются работы известного российского экономиста Ю. М. Осипова [37, 38, 39, 40, 41]. Синтезируя результаты философского, экономического и социального анализа, а также опираясь на гуманистическую традицию в русском обществознании, Ю. М. Осипов доказывает, что противоречия общественного и хозяйственного развития возникают вследствие игнорирования метафизических, сакральных, и духовных аспектов жизни, вещей, людей и идей, которое происходит из-за осуществления хозяйственной деятельности в рамках системных методов, исчерпавших конструктивный потенциал. Современная система хозяйства, считает он, вступила в противоречие с развитием, разрушается и переходит в хаос, а старый разрушительно-революционный способ решения этого противоречия не может дать положительных результатов и лишь удостоверяет конец самой системы [41, с. 4]. Важным разделом философии хозяйства Ю. М. Осипова также является обоснование необходимости активного включения в решение проблем хозяйствующего субъекта творческой деятельности работников.

Научный анализ трансформационного хозяйствования будет неполным без учета теории «новой фазы» развития рынка русского ученого А. С. Панарина. После провозглашения «Римским клубом» «пределов роста», понятие «рынок», считает ученый, несет новое социал-дарвинистское содержание, отличное от определенного классиками экономической теории. Если теория прогресса, пишет А. С. Панарин, признавала главным ресурсом цивилизации творческую способность человека, вооруженного Просвещением для новых взаимодействий с природой, то теория «конца истории», отрицая возможность нового способа производства из-за исчерпаемости природных ресурсов, превращает человека-творца в потребителя, а сама «дальнейшая человеческая история стала мыслиться как безжалостная конкуренция потребителей. В этой мальтузианской картине мира понятие рынок несет качественно иное содержание: рынок выступает как процедура выбраковки человеческой массы, отлученной от дефицитных благ цивилизации» [42, с. 50]. Из этих замечаний А. С. Панарина следует вывод, что рыночные отношения, ставшие доминирующей формой хозяйствования в трансформационных обществах, объективно направлены на «выбраковку человеческой массы» как в постсоциалистических странах, так и во всем мире, кроме стран, население которых отнесено к так называемому, «золотому миллиарду». Такая оценка ученого заставляет задуматься о необходимости изменения вектора развития постсоциалистического хозяйства от либеральных ценностей к ценностям нового общества. Его контуры еще не определены, но то, что одним из главных мегатрендов

этого общества должна стать творческая хозяйствующая личность – является несомненным фактом. При этом следует согласиться с мнением А. С. Панарина, что «современное состояние науки позволяет говорить о многовариантности, альтернативности, поливалентности любых новых тенденций общественной жизни» [43]. Следует, однако, не согласиться с его замечанием, что «пролетарское отрицание» частной собственности и современное развитие рыночных отношений в мире, который характеризуется отступлением «веберовского» капитализма перед экспансией финансового капитала, исключительно, или преимущественно связано с еврейским влиянием [44]. Как известно, пролетарские революции и экспансия финансового капитала во многом «благодарны» не только евреям, но и англосаксам, немцам, русским, китайцам и представителям других наций.

Среди исследований, выводы которых способствуют имплементации в постнеклассическую экономическую теорию и научно-футурологические предсказания будущего выводов о переходе к новой стадии развития, следует назвать монографию Ю. В. Яковца «Циклы. Кризисы. Прогнозы», в которой сформулированы положения, что «между двумя смежными историческими циклами [какими следует считать цикл социалистического развития и цикл будущего общества – А. А.] лежит переходный период, характеризующийся кризисом и отмиранием отживающей системы, рождением в муках новой, усилением хаотичности и неупорядоченности исторического процесса». В этот период «ухудшаются уровень и условия жизни людей, падает эффективность воспроизводства, наступают элементы распада в культуре, морали идеологии. Однако, – утверждает ученый, – из хаоса постепенно рождается новая упорядоченность, выражающая содержание очередного цикла; переходный период завершается его утверждением» [45]. Несмотря на то, что все это уж очень напоминает выводы из известной «Критики Готской программы», представленные выдержки отражают взгляды на переходный период не как следствие классовый борьбы, а как результат развития всех слагаемых общественного развития.

Эволюция человеческой цивилизации свидетельствует, что ее долгий путь осуществляется на основе определенных законов, действие которых, независимо от их осознания, объективно направляется на упорядочение всей совокупности человеческих отношений и способствует общественному прогрессу. Попыткой познания этих законов относительно современного этапа развития, в том числе постсоциалистического, стала теория «ноосферного социализма». С точки зрения полезности для нашего исследования, важной составляющей этой теории являются выводы о переходе цивилизационного развития от «закона конкуренции» к «закону кооперации». Главные выводы «ноосферизма» представлены в монографиях известного русского философа и экономиста А. И. Субетто [46, 47] и публикациях обобщающего характера [48, 49]. В наиболее систематизированном виде они изложены в «Манифесте ноосферного социализма», который экстраполирует закон конкуренции, позаимствованный из дарвинистской теории «борьбы видов», на общественные отношения. Однако, на смену закону конкуренции, утверждает А. И. Субетто, непременно придет закон кооперации, для которого характерны прогрессивная эволюция, основанная на сотрудничестве и преодолении доминирования естественного отбора. В современный период действие закона кооперации уступает влиянию закона конкуренции, считает ученый. Конкуренция, отмечает он, пока еще имеет определяющее влияние на другие цивилизационные законы современной эпохи, но ведущее ее значение быстро уменьшается вследствие негативных последствий глобализации и экологического кризиса, вызванных доминированием закона конкуренции и сознательными усилиями апологетов частной собственности, способствующих его консервации [48]. По нашему мнению, постнеклассическая экономическая теория не может отбросить вывод ноосферной теории о том, что в будущем социальная эволюция будет осуществляться благодаря (посредством) экономической, производственной, политической и культурной кооперации, а сам закон кооперации должен стать ведущим законом развития постсоциалистического хозяйства. Заслуживает внимания и утверждение А. И. Субетто, что развитие общества в XXI веке будет осуществляться путем утверждения влияния закона кооперации, а его действие будет

способствовать переходу человечества к интеллектуально-информационной и экологической цивилизации, а также цивилизации общественного интеллекта и образованного общества. Таким же есть и предостережение ученого, что в случае, когда «опережающего развития интеллекта системы [в том числе хозяйственной – А. А.] не происходит, то начинается «распад кооперации» и одновременный уход к действию законов конкуренции и отбора, падение назад по спирали прогрессивной эволюции» [47]. Эти и другие выводы теории ноосферного социализма, особенно в части оценки глобализационных процессов и мирового экологического кризиса, а также путей преодоления их негативных последствий в XXI веке, имеют фактическое подтверждение и разделяются многими учеными. Однако предостережения А. И. Субетто, что «закон может не сработать», что после утверждения доминирования «закона кооперации» внутренние причины развития будут инспирироваться не законами диалектики, а «законом роста идеальной детерминации в социальной прогрессивной эволюции», главными условиями которой станет углубление «самоосознания» человека и общественного сознания [49, с. 11] снижают научную убедительность ноосферного социализма. На наш взгляд, более продуктивным для анализа внутренних причин развития как до, так и после утверждения ценностных мегатрендов постсоциалистического хозяйства, является научное положение, обоснованное Г. В. Задрожным, о «триалектике», включающее как возможность познания и действенность диалектической сущности социально-экономических противоречий, так и необходимость сохранения и развития триипостасевой духовной сущности человека.

Названные выводы русских ученых дополняют обоснование уже названного мегатренда «Духовно-творческая деятельность», а также способствуют обобщению новых мегатрендов постсоциалистического хозяйства, которые уже нашли определение как **«Знаниеемное хозяйство»** и **«Экологическое хозяйствование»**.

Кроме РФ, исследования постсоветской трансформации хозяйства осуществляются и в других странах. Они опубликованы в работах, посвященных обоснованию национальных моделей экономики [50], опыту приватизации государственной собственности [51], а также другим трансформационным составляющим хозяйственного развития в отдельных постсоветских республиках [53, 53, 54]. В теоретическом плане среди этих работ наибольший интерес представляет монография «Национальная экономическая модель Узбекистана», в которой обосновываются особенности приватизации государственной собственности в мусульманских странах. Исходя из главных постулатов ислама, авторы исследования делают вывод, что трансформационные преобразования в мусульманских обществах должны учитывать равенство людей перед Аллахом (мусават), социальную справедливость (адалят), запрет ростовщичества (рыба) и коллективную собственность мусульманской общины. Этим обосновывается вывод, что приватизация государственной и иной собственности должна осуществляться с учетом того, что «пастбища, источники, вода, огонь и соль принадлежат всем», а «земля и небо принадлежат Аллаху». Не смотря на то, что эти нормы отражают отношения, сложившиеся в докапиталистическую эпоху, традиционные национальные и мусульманская культуры в целом имеют хотя и не определяющее, но существенное влияние на становление постсоциалистической экономической модели в странах с преимущественно мусульманским населением. В силу этого эти выводы должны учитываться исследователями поставленной в статье проблемы, так как их практическое осуществление подтверждает детерминированность содержания трансформационных реформ уровнем культуры общества.

Четвертую группу научных исследований, имеющих методологическое значение для исследования постсоциалистических мегатрендов хозяйственного развития, составляют труды отечественных ученых, изучающих экономические трансформации в Украине. Особенностью подавляющего большинства из этих работ как в 90-е годы прошлого века, так и в настоящее время есть признание кризиса марксистской методологии, а, следовательно – и всей отечественной экономической науки, которая была ее «потребителем» на протяжении советского периода. При этом, в начале трансформационного периода многие исследователи

стали «либеральными рыночниками» и лишь со временем в их среде выделилась группа ученых, число сторонников которой быстро увеличивается, занявших критическое отношение к либерализму и практике рыночных реформ. К содержанию развития экономических исследований на протяжении последнего десятилетия может быть применена оценка О. Г. Колинко, утверждающей, что «экономическая наука уже не одно десятилетие находится в кризисном состоянии», а экономическая цивилизация с присущим ей сейчас господствующей неолиберальной идеологией рыночного фундаментализма не нацелена на целостное понимание философии хозяйствования, а тем более развитие человека» [55, с. 3]. И, хотя выводы о кризисном состоянии современной экономической науки, преодолением которого должен послужить резкий скачок в ее методологической переориентации, разделяются далеко не всеми учеными, даже оптимисты вынуждены признать, что наступление технотронной эры, в которой формируется экономика знаний, будет сопровождаться также и появлением новых теорий и быстрой их адаптацией к новым требованиям. Иначе говоря, происходит эволюция, то есть процесс развития продуктивного знания [56]. Этот процесс, отмечает М. Довбенко, предъявляет повышенные требования к экономическому образованию [и науке – А. А.], которое должно вооружать знаниями в смежных науках и умением интегрировать разрозненные, иногда плохо сравниваемые факторы: информационные, экономические, социальные, экологические, психологические, исторические, правовые и т. д. [57, с. 272].

Если перефразировать В. Г. Белинского, утверждавшего, что вся русская литература вышла из гоголевской «Шинели», применительно к состоянию отечественной экономической науки конца XX века, то можно сказать, что в это время она еще не вышла из «Капитала» К. Маркса и, оставаясь под его влиянием, усиленно искала выход из методологического тупика. Вызывает лишь сожаление, что многие «ученые-марксисты» усмотрели этот выход в бездоказательном отрицании марксизма, а другие – так и не вышли за пределы его научной логики и убедительности. Но появилась и третья группа экономистов, которые, используя положения классовой теории, пошли дальше и заложили те основания постнеклассической методологии в отечественной экономической науке, на которых и осуществляется осмысление мегатрендов современного хозяйства. Речь идет об экономистах, исследования которых позволили развить и существенно углубить веберовскую концепцию ценносно-рационального экономического развития путем включения в него духовно-творческого субъекта хозяйствования, превращающегося из продукта культурного развития в его творца. Учитывая вывод М. Вебера о разделении рациональности на материальную и формальную, что экономическая деятельность подчинена ценностным целям и имеет количественно определенные характеристики, эти ученые утверждают, что хозяйственная деятельность должна включать не только отношения обмена, опосредованных деньгами, но и социокультурные предпосылки и последствия. Речь, конечно, не идет об игнорировании объективных законов развития и подчинении их действия воле человека-творца, наоборот – она идет о том, что духовность хозяйствующего человека должна обеспечить наиболее эффективную реализацию этих законов как в смысле достижения результатов хозяйственной деятельности, так и сохранения жизненной среды человека и социально справедливого удовлетворения его потребностей. Вот как оценивает методологические трансформации в оценке современного хозяйства и новой роли в нем человека Г. В. Задорожный: «*философия хозяйства как метаметодология исследования длящейся синкретичности, целостности поиска цельной истины, как основы хозяйственного творчества личности*», пишет он, должна опираться не на *диалектику* «как концепт расщепления, разрыва, омертвления ..., а *триалектику*, как метод триипостатного понимания реальности...» [58, с. 208]. Как отмечается в других трудах Г. В. Задорожного, современный кризис отечественной экономической науки определяется не столько предыдущим периодом ее политического подчинения, но и, это главное – бездумным и повсеместным использованием в анализе и прогнозах развития переходного периода либеральных и неолиберальных «ценностей» [59, с. 27], «идолизации институтов» и микро- и

макронизацией экономического образования и науки в украинских университетах [58, с. 208; 60, с. 9-10]. Задача же состоит в том, делает он вывод, чтобы «ввести в научный оборот понятие триипостасевой био-социо-духовной природы человека... Без выхода на проблемы сознания мы не сможем «развернуть картину» экономической сферы, а более точно – хозяйственной жизни» [61, с. 6-7].

Развертывание научного дискурса вокруг методологии экономической науки на рубеже прошлого и нынешнего веков вовлекало в него лучших представителей отечественной экономической мысли, каждый из которых вносит свой вклад в ее современное развитие. Как отмечал в начале этого дискурса Г. В. Задорожный, современный период развития экономической науки имеет постнеклассический характер, который отличается от предыдущего этапа тем, что объектом научного исследования становятся «человекообразные» комплексы, в которых человек играет важнейшую роль как осмыслитель и целенаправляющий субъект развития такого комплекса. При этом, замечает ученый, выход из драматической экологической и социокультурной ситуации заключается не в отказе от научно-технического развития, а в предоставлении ему гуманистического характера. Составной же гуманистического развития человека должна стать духовная сфера жизнедеятельности человека. Из этого следовал вывод о переходе экономической науки к качественно новому этапу ее развития – постнеклассическому, для которого, отмечает далее Г. В. Задорожный, присуща четко выраженная социальная направленность и значимость [59, с. 29-31].

К таким же выводам о включении «человекообразных» комплексов в предмет современных экономических исследований приходят и другие ученые. Так, В. М. Тарасевич отмечает, что для фундаментальной экономической науки современного периода, кроме того, что для ее предмета «жестким ядром» остается экономика, стало свойственно исследование «сложной человекообразной системы с действующей в ней не просто экономическим человеком или даже человеком – личностью, а человеком, как универсумным существом, в котором неразделимы сознательное, под- и бессознательное начала» [62, с. 15]. Углубляя эту позицию, он ввел в научный оборот понятия «унутворов»*, используя которое, пришел к выводу о преемственности и взаимопроницаемости формируемых в человеке и обществе унутворов на всем пути цивилизации – от их наноуниверсумного уровня (отдельного человека) к гигаунутворам (типам эволюции человечества), между которыми находятся микро- (община, племя), мезо- (регионы, этносы), макро- (страны) и мегаунутворы (отдельные цивилизации). На основании этого, он делает вывод, что предшествующий онтологический опыт истории, провозглашающий универсумное единение человека и природы, должен быть пересмотрен и диалектически снят. Исследуя формирование микро- и мезоунутворов, В. М. Тарасевич также приходит к выводу, что в современных условиях важно гносеологизировать и аксиологизировать онтологию *включенности человека в окружающий мир* периода генезиса первых цивилизаций на выживание и прогресс человечества в третьем тысячелетии новой эры [63, с. 43, 47]. Методологическое значение этих выводов для нашего исследования состоит в том, что на их базе могут быть объяснены особенности проявления ценностно-рациональных мегатрендов постсоциалистического хозяйства в различных странах в зависимости от тех свойств общества, которые базируются на сложившихся биоценотном опыте и ментальности, включающей унутворный и социальный опыт личности.

* Понятие «унутворы» отражает исторический процесс формирования в человеке искусственных биоценотных, благодаря чему он все больше ощущает свое отличие от природы. Как пишет В. М. Тарасевич, человека и различные человеческие общности необходимо рассматривать как особые *универсумные создания (унутворы)*, которые определенным образом институционализированы, эволюционируют, в том числе «перетекают» один в другого, и в этом историческом движении создают сверхсложные природочеловекообразные системы.

Следует отметить, что еще в дотрансформационный период, в условиях отсутствия свободы экономической мысли, в отечественной науке стали появляться работы ученых, которые не согласовывались с господствующей методологией, ставили под сомнение ее отдельные постулаты и закладывали начала нового объяснения экономической действительности. Речь идет о научных исследованиях «харьковской теоретической школы», названной так одним из ее основателей А. А. Гриценком. Положения и выводы, сформулированные в уже названных и других работах этого ученого [64, 65, 66, 67], способствуют решению задач постнеклассического исследования ценностно-рациональных составляющих современного хозяйствования, так как позволяют препарировать совместно-разделенное содержание труда, собственности и власти, которые всегда реализуются в социализированных формах, причем степень их социализации неуклонно возрастет [65, с. 54-58]. Методологическое значение также имеет вывод ученого, что «всеобщая собственность может образоваться только на том этапе развития общества, на котором господствующей формой богатства становятся способности человека, знания и новые идеи, а не материальные блага, хотя развитое материальное производство является исторической предпосылкой для утверждения господства всеобщей собственности» [65, с. 56]. Таким же является положение, обоснованное А. А. Гриценко, что в переходных экономиках, центральным стержнем которых стали изменения отношений собственности, утверждение идеи частной или общественной собственности в каждом случае будет иметь преимущественно идеологическое, а не реальное хозяйственное значение, а потому необходимо определить оптимальный правовой режим распоряжения и пользования ею, так разграничить и распределить правовые полномочия, чтобы их реализация вела к наиболее эффективному и наиболее бережному использованию собственности субъектами хозяйственной деятельности [67, с. 56].

Не стоит доказывать, что научные работы методологического характера, вышедшие в свет во время современного «кризиса-развития» экономической науки, имеют значительное влияние на исследования проблем постсоциалистического хозяйства, анализ и выводы из которого в значительной степени определяются не столько познанием эмпирики практического опыта, сколько теоретико-методологическими концепциями логики его развития и футурологическими теориями будущего. Учитывая, что исследование ценностно-рациональных мегатрендов новой хозяйственной модели определяется именно в координатах анализа действительного и предсказания будущего, ему должен предшествовать анализ уже имеющихся публикаций по этому вопросу. Он свидетельствует, что в научных исследованиях отечественных экономистов, опубликованных в начале 90-х годов прошлого века, главными темами стали критика социалистического способа производства и обоснование экономической целесообразности перехода к частной собственности и рыночным отношениям. При этом, несмотря на политические лозунги рыночных реформ, выводы отдельных ученых свидетельствовали об отсутствии оснований для огульного осуждения социализированных форм экономических отношений. В частности, в монографии А. А. Чухно «Переход к рыночной экономике» (1993 г.), наряду с выводами о целесообразности рыночных преобразований, отмечается, что они должны осуществляться в пределах «преодоления чрезмерного формального обобществления производства и создания форм собственности, которые отвечали бы реальному обобществлению производства и способствовали развитию производительных сил» [68, с. 8]. Ему же принадлежит вывод, что при демократическом характере управления и распоряжения собственностью, коллективная форма приносит более весомый экономический результат, чем частная собственность [69, с. 112]. Для большинства научных публикаций этого периода типичными были выводы, обобщенные А. А. Чухно, что в постиндустриальной экономике (переход к которой в Украине совпал с трансформационными процессами) «для производственных отношений характерно многообразие форм собственности: государственная, частная, коллективная и другие». Такими же распространенными стали выводы, что переход от командной к рыночной

экономике обязательно сопряжен с «системным трансформационным кризисом»; что выход из кризиса переходного периода должен основываться на создании производственных отношений рыночной экономики путем разгосударствления, приватизации и демонополизации экономики и «перестройки структуры экономики на основе перехода на новый технологический способ производства, на постиндустриальную стадию общественно-экономического прогресса»; что целью переходного периода является переход к «новому обществу», которое формируется после прохождения стадии «классического капитализма»; что выход из кризиса и достижение высокой эффективности функционирования экономики нужно осуществлять путем «сочетания рыночного механизма с государственным регулированием и планированием», а приватизация государственной собственности должна быть ограничена оптимальным соотношением уровней обобществления собственности и развития производительных сил [68, с. 6-9; 69, с. 88-89].

Следует отметить, что большинство из этих выводов игнорировались на политическом уровне во всех постсоветских странах, а потому не подтверждались хозяйственной практикой. Об этом, в частности, свидетельствуют крайне негативные итоги социально-экономического развития Украины на протяжении первой трансформационной «пяtilетки», когда убедительно подтвердился только вывод о системном и долговременном кризисе. Что же касается плюрализма форм собственности, то вопреки Закону «Об экономической самостоятельности Украинской ССР» и названным научным выводам, с принятием Закона Украины «О собственности» начался период динамичного утверждения частной собственности и такого же ограничения других ее форм. Начавшаяся в это время приватизация государственной и коллективной собственности, экономическими последствиями которой стала «активная деиндустриализация, физическое уничтожение производительных сил, с опережающим разрушением научно-технического и интеллектуального потенциалов общества» [68, с. 10], свидетельствовали о том, что избранный путь постсоциалистического развития осуществляется не только вопреки научным рекомендациям, но и базисным идеям реформирования социализма.

Такие же выводы из анализа трансформационного периода в Украине в 90-х годах прошлого столетия сделаны и в монографии И. И. Лукинова «Экономические трансформации (в конце XX века)» (1997 г.). Следует отметить, что в то время учеными были востребованы замечания И. И. Лукинова о наличии «разных моделей рынка», о необходимости опережения процесса «создания нового» над процессом «разрушение старого». Наиболее важным, по нашему мнению, является его заключение о «конкуренции» экономических укладов как способе обеспечения демократичного характера переходного периода. Он считал, что «процессы разгосударствления станут действительно эффективными, когда частные или кооперативные (корпоративные) предприятия будут обеспечивать большие объемы производства товарной массы на единицу капитала и труда по более низким ценам и смогут вносить в бюджет налогов больше, чем государственные предприятия ... Реально преимущества тех или иных форм аккумулируются в конечных результатах рыночной конкуренции». Прогнозируя итоги трансформации экономических отношений, ученый высказал мнение, что они зависят от общего хода рыночных преобразований и от того, «какая из форм собственности и хозяйствования будет наиболее конкурентоспособной в будущем» [27, с. 34-35, 36]. Для современного развития отечественной экономической науки также остается важным предостережение И. Лукинова о необходимости «возврата от экономического романтизма или даже авантюризма к фундаментальным исследованиям и осмысления тех разрушительных процессов, которые происходят на огромном экономическом пространстве...», что «шоковый вариант рыночной трансформации, взят на правительственное вооружение, ошибочен и уже завел экономику большинства бывших советских стран в катастрофическое положение, выходить из которого довольно трудно» [27, с. 128].

Обобщающие исследования трансформационных реформ в Украине на протяжении

90-х годов прошлого века также содержатся в научных статьях и монографиях по отдельным проблемам реформирования экономики, коллективов авторов [70, 71], а также В. М. Гейца [72, 73], А. С. Гальчинского [74], и других ученых. Трансформационным процессам в Украине также посвящены сотни научных статей и диссертационных исследований, в которых на основе методологических подходов, сформированных в вышеперечисленных работах, освещаются различные аспекты рыночных преобразований. В частности, в них обосновываются эффективные пути развития трансформационной экономики Украины, которые могли бы обеспечить быстрый переход от индустриального к информационному обществу и включения ее хозяйства в глобальные экономические процессы. Так как большинство из этих рекомендаций не учитывалось на политическом уровне, что имело разрушительные последствия для экономики, в экономической литературе усиливается критика политического курса отечественной элиты и классического и неолиберализма, ставшего идеологией и практикой осуществляемых в стране экономических реформ. Наиболее типичной в этом отношении является монография Ю. Буздугана «Постиндустриальная система Украины (Неэффективная экономика)» [75], в которой экономический анализ трансформационных реформ дополняется острой публицистической критикой императивной определенности их курса. Такая же критика трансформационных процессов в Украине присуща для, уже упоминавшейся, коллективной монографии отечественных и зарубежных авторов «Движущие силы нежелательных реформ: уроки украинского переходного периода», которые считают, что рыночные реформы не имеют заметных результатов по причине отсутствия политических элит, заинтересованных в их действительных положительных последствиях для всего общества, а также [и потому – А. А.] отрицательного отношения к ним населения [3].

Следует отметить, что не все выводы экономических исследований как 90-х годов, так и последующего десятилетия являются достаточно обоснованными и практически осуществимыми. На наш взгляд, нельзя согласиться с выводом, что для постсоциалистического развития была возможна только одна из моделей его реализации – сначала мучительная эволюция к классическому капитализму, а затем, к «его развитым формам», которая предусматривает «неизбежное превращение основной массы людей в наемных работников, высокий уровень их эксплуатации с использованием элементов внеэкономического принуждения к труду, медленное развитие социального партнерства и придания труду творческого характера». Вторая же модель, характеризующаяся «социализацией экономики, широким применением форм собственности, которые превращают работника в хозяина, участвующего в распоряжении средствами производства и результатами труда...» – провозглашалась только стратегической целью трансформационного развития [68, с. 18-19]. Этот вывод способствовал обоснованию курса «Назад, к капитализму!» и откладыванию формирования экономически эффективной постсоциалистической хозяйственной модели до лучших времен.

Важной особенностью современного изучения ценностно-рациональных мегатрендов постсоциалистического хозяйства в Украине является комплексное исследование различных составляющих этого явления экономистами, социологами, политологами, философами и представителями других направлений научного знания. В их ряду следует отметить работы: В. М. Гейца о взаимодействии общества, государства и экономики при осуществлении реформ (2009 г.), экономистов О. Г. Колинко о духовно-творческой деятельности человека как основе современного хозяйственного развития (2013 г.), Г. В. Задорожного и А. В. Кацубы о проблемах ренты и квазиренты в глобализирующемся знаниеемном хозяйстве (2013 г.), А. М. Колота о социально-трудовых отношениях в рыночной экономике (2010 г.), О. Ф. Новиковой о социальной ориентации транзитивной экономики (2009); социологов Т. О. Петрушиной о социально-экономическом поведении населения Украины в условиях институциональных изменений (2009 г.) и Т. О. Ефременко об экономической ментальности и культуре, а также изменениях в ценностных ориентациях в экономической сфере во время институциональных трансформаций (2006-2007 гг.);

философов В. М. Кулькова о соотношении философии хозяйства и теории национальной экономики (2002 г.), З. Е. Скринник о мировоззренческих составляющих экономической модернизации. Не будем останавливаться на работах политологического характера, только отметим, что и большинство из названных, особенно, экономических исследований имеют достаточно выраженное политэкономическое содержание. Из этого следует вывод, что наличие достаточного числа монодисциплинарных работ, а также основ постнеклассической методологии позволяет осуществить междисциплинарное исследование ценностно-рациональных мегатрендов постсоциалистического хозяйства и выработать научные выводы и рекомендации по их совершенствованию. Опираясь на научную логику, это исследование также должно осуществляться с учетом уже определившихся мегатрендов постиндустриального развития передовых стран, постсоциалистического хозяйства Китая и большинства постсоветских республик, составляющих современную картину новейшей модели мирового хозяйства.

Литература.

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн ; [пер. с англ. П. М. Кудюкина]. – СПб. : Университетская книга, 2001. – 416 с.
2. Валлерстайн И. Общественное развитие или развитие мировой системы? / И. Валлерстайн // Вопросы социологии. – 1992. – № 2. – С.77–88.
3. Рушійні сили небажаних реформ: уроки українського перехідного періоду / [Ширмер Я., Грейвс В., Головаха Є. та ін.] ; під ред. В. Дубровського // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2010. – № 1. – С. 56–72.
4. Мизес Людвиг фон. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. / Людвиг фон Мизес. – М. : ОАО «НПО Экономика», 2000. – 879 с.
5. Нейсбит Дж. Мегатренды / Дж. Нейсбит ; [пер. с англ. М. Б. Левина]. – М. : ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 380 с.
6. Нэйсбитт Дж. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000 / Дж. Нэйсбитт, П. Эбурдин – М. : Республика, 1992. – 416 с.
7. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; [пер. с англ. М. Б. Левина]. – М. : «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 588 с.
8. Wallerstein I. World-Systems Analysis / I. Wallerstein // Social Theory Today / Ed.by A. Giddens & J. H.Turner. – Cambridge : Polity Press, 1987. – P. 309–324.
9. Остром Е. Керування спільним. Еволюція інституцій колективної дії / Е. Остром ; [пер. з англ. Т. Монтян]. – К. : Наш час, 2012. – 398 с.
10. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман ; [пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева]. – М. : Логос, 2002. – 390 с.
11. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. под ред. М. М. Предовской]. – Екатеринбург : Университет, 2000. – 105 с.
12. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр ; 2-е изд. [пер. с фр. Д. Кралечкина]. – М. : Библион-Русская книга, 2004. – 304 с.
13. Норт Д. Інституції, інституційна зміна та функціонування економіки / Д. Норт. –К. : «Основи», 2000. – 198 с.
14. Ослунд А. Строительство капитализма: рыночная трансформация стран бывшего советского блока / А. Ослунд. – М. : «Логос», 2011. – 720 с.
15. Блауг М. Несложный урок экономической методологии / М. Блауг // THESIS. – 1994. – № 4. – С. 54–69.
16. Людвиг фон Мизес: иной взгляд на экономику [Электронный ресурс] / С. Сазонов // Частный корреспондент. – 2009. – 18 сентября. – Режим доступа: <http://www.chaskor.ru/p.php?id=10399>. – Название с титул. экрана.

17. Аристотель. Политика. Книга 2 [Текст] / Аристотель. – М. : Мысль, 1983. – С. 403–443. – (Сочинения ; в 4 т. / Аристотель ; т. 4).
18. Wallerstein I. Unthinking Social Science. The Limits of Nineteenth-Century Paradigms / I. Wallerstein. – Temple University Press, 1991. – 286 p.
19. Фисун А. А. Мир-системный анализ как теория геоисторических изменений / А. А. Фисун // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна “Світ-системна теорія і сучасні глобальні трансформації (філософія, політологія, соціологія)”. – 2000. – № 487. – С. 34–51.
20. Коуз Р. Фирма, рынок и право / Р. Коуз ; [пер. с англ. Б. Пинскера]. – М. : Дело ЛТД, 1993. – 192 с.
21. Гриценко А. А. Институциональная архитектура: объект, теория и методология. У кн. : Постсоветский институционализм // Под ред. Р. М. Нуреева, В. В. Дементьева. – Донецк : “Каштан”, 2005. – С. 58.
22. Гриценко А. А. Институциональный империализм и его роль в развитии экономической теории / А. А. Гриценко // Научные труды ДонНТУ: Серия: экономическая. – № 34-1. – С. 50–59.
23. Задорожний Г. В. Неинституционализм как говорение-поверхность манипулятивно-сознательного устройства (анти)человечного глобального мира / Г. В. Задорожний // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна: Серія: економічна. – 2013. – № 1047. – С. 3–18.
24. Грималюк А. В. Сверхпредпринимательство [Текст] : Методологические основы концепции двухуровневой рыночной экономики / А. В. Грималюк. – Одеса : Астропринт, 2006. – 528 с.
25. Хаек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. А. Хаек. – М. : Новости, 1992. – 302 с.
26. Нейсбит Дж. Китайские мегатренды: 8 столпов нового общества. / Джон и Дорис Нейсбит ; [пер. с англ. А. Лактионова]. – М.: Астрель, 2012. – 315 с.
27. Лукинов І. Економічні трансформації (наприкінці ХХ сторіччя) [Електронний ресурс] / І. Лукинов. – К. : Інститут економіки НАН України. – 1997. – 455 с. – Режим доступу: http://ukrkniga.org.ua/ukrkniga-text/books/_book-627.htm. – Назва з титул. екрана.
28. Сакс Дж. Рыночная экономика и Россия / Дж. Сакс. – М. : Экономика, 1995. – 331 с.
29. Стігліц Дж. Глобалізація та її тягар / Дж. Стігліц. – К. : Видавничий дім «КМ Академія», 2003. – 254 с.
30. Артеменко А. В. «Китайские мегатренды»: ценностно-рациональное обобщение опыта переходной экономики для Украины и всего мира / А. В. Артеменко // Социальная экономика. – 2012. – № 4. – С. 82–103.
31. Гражевська Н. І. Трансформація економічних систем в умовах глобалізації : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра ек. наук : спец. 08.00.01 «Економічна теорія та історія економічної думки» / Н. І. Гражевська. – Київ, 2009. – 39 с.
32. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива / Р. Пребиш. – М. : ИЛА РАН, 1992. – 337 с.
33. Сото Эрнандо де. Иной путь: Невидимая революция в третьем мире / Эрнандо де Сото ; [пер. с англ. Б. Пинскера]. – М. : Catallaxy, 1995. – 320 с.
34. Модернизация России: социально-гуманитарные измерения / под ред. Н.Я. Петракова. – М.; СПб. : Нестор-История, 2011. – 447 с.
35. Бузгалин А. В. Капитал XXI века. К теории корпоративного капитала постиндустриальной эпохи / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Социальная экономика. – 2003. – № 4. – С. 5–25.
36. Бузгалин А. В. Социокультурные слагаемые перехода к новому качеству экономики / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Социальная экономика. – 2003. – № 4. – С. 29–34.
37. Осипов Ю. М. Очерки философии хозяйства / Ю.М. Осипов. – М. : Юристъ, 2000. – 364 с.
38. Осипов Ю. М. Философия хозяйства : в 2 кн. / Ю. М. Осипов. – М. : Юристъ, 2001. –

624 с.

39. Осипов Ю.М. Время философии хозяйства : в 3 кн. с прил. / Ю. М. Осипов. – М. : Экономика, 2003. – 654 с.

40. Осипов Ю. М. Эпоха Постмодерна : в 3 ч. / Ю. М. Осипов. – М. : ТЕИС, 2004. – 335 с.

41. Осипов Ю. М. Философия хозяйства. Тезисы. / Ю. М. Осипов. – М. : ТЕИС, 2006. – 56 с.

42. Панарин А. С. Возвращение к сакральному как альтернатива «рыночному терроризму» / А. С. Панарин // Социальная экономика. – 2003. – № 4. – С. 42–55.

43. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – Алгоритм, 2002. – 496 с.

44. Панарин А. С. Север – Юг. Сценарии обозримого будущего [Электронный ресурс] / А. С. Панарин // Наш современник. – 2003. – № 5. – Режим доступа: http://derzava.com/art_desc.php?aid=260. – Название с титул. экрана.

45. Яковец Ю. В. Исторические циклы / Глава 8 (ч. 1 и 3) из кн. Яковец Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. – М. : 1999. – С. 230–241; 252–261.

46. Субетто А. И. Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм / А. И. Субетто. – СПб. : ПАНИ, 1999. – 837 с.

47. Субетто А. И. Россия и человечество на перевале истории в преддверии третьего тысячелетия / А. И. Субетто. – СПб. : ПАНИ, 2000. – 827 с.

48. Субетто А. И. Манифест ноосферного социализма / А. И. Субетто – СПб. : Астерион, 2011. – 108 с.

49. Субетто А. И. Ноосферизм и вернадскианская революция: к модели выхода человечества из эколого-капиталистического тупика истории / А. И. Субетто // Социальная экономика. – 2004. – № 1-2. – С. 10–28.

50. Тухлиев Н. Национальная экономическая модель Узбекистана [Электронный ресурс] / Н. Тухлиев, А. Таксанов. – Ташкент : Укитувчи, 2000. – 267 с. – Режим доступа: http://library.tuit.uz/skanir_knigi/book/nemu/nacional_econ_1.htm. – Название с титул. экрана.

51. Алышбаева А. Д. Кыргызстан: опыт преобразования государственной собственности / А. Д. Алышбаева // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – № 1 (2). – Режим доступа: http://www.ca-c.org/journal/cac-02-1999/st_12_alysbbaeva.shtml. – Название с титул. экрана.

52. Назарбаев Н. А. Стратегия экономического развития Казахстана как суверенного государства / Н. А. Назарбаев. – Алма-ата : Дауир, 1992. – 62 с.

53. Достияров А. Иностраные инвестиции в Республике Казахстан: анализ форм и необходимость привлечения на современном этапе [Электронный ресурс] / А. Достияров // Вестник КазГУ. Сер. «Экономическая». – 1998. – № 10. – Режим доступа: <http://lib.kazsu.kz/lib/vestnik/ECONOM> – Название с титул. экрана.

54. Жуджунь Д. Экономические реформы: сравнительный анализ теории и практики (на примере КНР и Республики Беларусь) / Д. Жуджунь. – Минск : БГУ, 2003. – 151 с.

55. Колінько О. Г. Духовно-творча діяльність людини як основа сучасного господарського розвитку : монографія / О. Г. Колінько. – Харків : Видавництво ТОВ «Друкарня Мадирд», 2013. – 182 с.

56. Довбенко М. Сучасна економічна теорія: криза чи розвиток / М. Довбенко // Вісник Національної академії наук України. – 2008. – № 12. С. 60–71.

57. Довбенко М. Криза економіки – не криза науки : монографія / М. Довбенко. – К. : ВЦ «Академія», 2009. – 304 с.

58. Задорожний Г. В. Кардинальная перестройка экономического мышления как необходимость целостного хозяйственного мировидения и мироведения. / Г. В. Задорожний // Социальная экономика. – 2012. – № 4. – С. 206–209.

59. Задорожний Г. В. Социальная экономика как научная область постнеклассического экономического знания / Г. В. Задорожний, Я. Ю. Радченко // Социальная экономика. – 2003.

– № 4. – С. 26–41.

60. Задорожный Г. В. От догматического экономиксизма к спасительному человеческому хозяйствованию / Г. В. Задорожный // Социальная экономика. – 2011. – № 2. – С. 5–22.

61. Задорожный Г. В. Трансперсональная психология как фундаментальное основание новой парадигмы экономической науки: о необходимости изучения духовного мира человека и перехода к социальной экономике / Г. В. Задорожный // Социальная экономика. – 2009. – № 2. – С. 5–24.

62. О трансформации фундаментальной экономической науки в XXI веке / В. М. Тарасевич // Соціально-економічні трансформації в епоху глобалізації : Матеріали наук.-практ. конф., 16-17 травня 2013 р. / ПНПУ ім. В. Г. Короленка; редкол.: Л. І. Яковенко (голов. ред.) та ін. – Полтава : ТОВ «АСМІ», 2013. – С. 11–15.

63. Тарасевич В. М. Про інституційну еволюцію до цивілізаційних універсумних утворень / В. М. Тарасевич // Економічна теорія. – 2007. – № 4. – С. 41–48.

64. Гриценко А. А. Метод «капитала» К. Маркса и политическая экономия в широком смысле / А. А. Гриценко. – Харків : Вища школа, 1988. – 157 с.

65. Гриценко А. А. Совместно-разделенная собственность как форма социалистического присвоения / А. А. Гриценко // Вопросы политической экономии. – 1990. – № 207. – С. 24–31.

66. Гриценко А. А. Социальная экономия как наука / А. А. Гриценко // Социальная экономика. – 2001. – № 21. – С. 7–13.

67. Гриценко А. А. Сумісно-розділені відносини: праця, власність і влада / А. А. Гриценко // Економіка України. – 2003. – № 3. – С. 50–58.

68. Чухно А. А. Проблемы теории переходного периода: от командной к рыночной экономике / А. А. Чухно // Экономика Украины. – 1996. – № 4. – С. 4–21.

69. Чухно А. А. Перехід до ринкової економіки / А. А. Чухно. – К. : Наукова думка, 1993. – 278 с.

70. Ринкова трансформація в 1991-2000 роках: Здобутки, труднощі, уроки / В. М. Геєць // Україна на порозі XXI століття: уроки реформ та стратегія розвитку : Матеріали наук. конф., 15-16 листопада 2000 р. / гол. ред.: В. М. Литвин. – К. : Київський політехнічний ін-т, 2001. – С. 29–41.

71. Трансформація моделі економіки України (ідеологія, протиріччя, перспективи) : монографія / В. М. Геєць та ін. – К. : Логос, 1999. – 497 с.

72. Геєць В. М. Економіка України: моделі реформування, зміна структури та прогноз розвитку Інституту державного управління і самоврядування при Кабінеті Міністрів України / В. М. Геєць. – К.; 1993. – 120 с.

73. Геєць В. М. Економіка України: стратегія і політика довгострокового розвитку. Монографія / В. М. Геєць. – К. : Інститут економіки та прогнозування, Фенікс, 2003. – 1008 с.

74. Гальчинський А. Економічна наука: проблеми методологічного оновлення / А. Гальчинський // Економіка України. – 2007. – № 3. – С. 4–13.

75. Буздуган Ю. Постіндустріальна система України (Неефективна економіка) / Ю. Буздуган. – К.; 1999 – 160 с.

УДК 330.88

Обосновываются выводы о необходимости междисциплинарного исследования ценностно-рациональных мегатрендов постсоциалистического хозяйства на основе использования постнеклассических концепций зарубежных и отечественных ученых.

Ключевые слова: мегатренд, постсоциалистическое хозяйство, ценностно-рациональный, постнеклассическая методология.

Обґрунтовуються висновки про необхідність міждисциплінарного дослідження ціннісно-раціональних мегатрендів постсоціалістичного господарства на основі застосування постнекласичних концепцій зарубіжних та вітчизняних вчених.

Ключові слова: мегатренд, постсоціалістичне господарство, ціннісно-раціональний, постнекласична методологія.

The article substantiates the conclusion about the necessity of interdisciplinary research of value-rational megatrends in post-socialist economy through the use of postnonclassical concepts by foreign and domestic scientists.

Keywords: megatrend, post-socialist economy, value-rational, postnonclassical methodology.

Поступила в редколлегию 17.09.2013 г.